

Осовский Олег Ефимович, Дубровская Светлана Анатольевна

РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ "СМЕХОВОГО СЛОВА" В ТРУДАХ М. М. БАХТИНА 1930-1960-Х ГГ.

Концепция "смехового слова" является важным элементом общей теории смеховой культуры, разрабатывавшейся М. М. Бахтиным. В статье исследуются основные характеристики "смехового слова", выявленные М. М. Бахтиным на протяжении 1930-1960-х гг. в функционировании данного явления в общем пространстве комического. Определяется значение концепции "смехового слова" для понимания процесса развития комического дискурса в русской литературе XIX-XX вв.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. I. С. 163-167. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

В образовании сокращенных форм при помощи аббревиатур рассматриваются два вида: инициальные слова и слоговые слова. В немецком языке, так же как и в английском, аббревиатуры «инициального» типа составлены из начальных букв частей слова, и могут произноситься с ударением на последней букве (ср. *LKW* от *Lastkraftwagen* – *грузовой автомобиль*) или по слогам, с принятым в немецком языке ударением на начальном слоге (ср.: *Ufo* [ˈu:fo] от *Unbekanntes Flugobjekt* – *НЛО, неопознанный летающий объект*).

Особый случай образования аббревиатур представляют словообразования с начальным слогом, в которых лишь первая часть слова сокращена, напр.: *S-Bahn* от *Schnellbahn* (*скоростная железная дорога*), *U-Boot* от *Unterseeboot* (*подводная лодка*).

В противоположность к инициальным словам слоговые слова составлены из первых слогов непосредственных компонентов или их частей, которые читаются по слогам: напр. *Kripo* от *Kriminalpolizei*, *Hanuta* от *Haselnusstafel*.

Сокращенные слова, в свою очередь, как самостоятельные компоненты, могут вновь быть составляющими в словообразовании: *Limodose*, *eine Dose Limo(nade)*⁴ или *LKW-Maut*, *Maut für LKWs*⁴ [Ibidem, S. 118].

Итак, сокращенные лексические единицы, аббревиатуры и акронимы рассматриваются как специфическое языковое явление, принцип функционирования которого связан с передачей информации как можно более экономичными средствами, т.е., в соответствии с законом Ципфа, языку присуща тенденция к сокращению часто используемых форм.

Список литературы

1. Данези М. В поиске значения. Введение в семиотическую теорию и практику / пер. с англ.; под общ. ред. С. Г. Прокура; Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2010. 192 с.
2. Келер Р. Синергетическая лингвистика: структура и динамика лексики [Электронный ресурс]. URL: <http://ubt.opus.hbz-nrw.de/volltexte/2007/413/pdf/synling.pdf> (дата обращения: 01.11.13).
3. Черкасова М. А. Аббревиатура делового дискурса с когнитивной точки зрения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 200-203.
4. Эткнд Е. Поэзия и перевод. М. – Л.: Советский писатель. 1963. 429 с.
5. Dürscheid C., Kircher H., Sowinski B. Germanistik: eine Einführung. 2., durchges. Aufl. Köln – Weimar – Wien: Böhlau, 1995. 362 S.
6. Kessel K., Reimann S. Basiswissen. Deutsche Gegenwartssprache. A. Francke Verlag Tübingen und Basel, 2005. 276 S.
7. Proskurin S. G. Essays in Contemporary Semiotics. N. Y.: LEGAS, 2010. 99 p.

ZIPF'S LAW IMPLEMENTATION BY THE MATERIAL OF THE ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES

Orekhova Ol'ga Mikhailovna

Novosibirsk State University of Economics and Management
o.orekhova2006@mail.ru

The implementation of G. K. Zipf's law in linguistics in the context of language means economy is considered. The author pays attention to the functional significance of abbreviations and acronyms in the English and German languages. The article mentions the topical in modern linguistics position of Zipf's law on the principle of least effort as the main psychological basis for the explanation of such phenomena in the language as abbreviation and acronym.

Key words and phrases: Zipf's law; principle of least effort; law on amount of information; abbreviation; acronym.

УДК 82-7

Филологические науки

Концепция «смехового слова» является важным элементом общей теории смеховой культуры, разработавшейся М. М. Бахтиным. В статье исследуются основные характеристики «смехового слова», выявленные М. М. Бахтиным на протяжении 1930-1960-х гг. в функционировании данного явления в общем пространстве комического. Определяется значение концепции «смехового слова» для понимания процесса развития комического дискурса в русской литературе XIX-XX вв.

Ключевые слова и фразы: литературоведческая теория М. М. Бахтина; «смеховое слово»; комический дискурс; современное гуманитарное знание; концепция смеховой культуры.

Осовский Олег Ефимович, д. филол. н.

Дубровская Светлана Анатольевна, к. филол. н.

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева
osovskiy_oleg@mail.ru; s.dubrovskaya@bk.ru

РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ «СМЕХОВОГО СЛОВА» В ТРУДАХ М. М. БАХТИНА 1930-1960-Х ГГ. ©

Публикация в середине 1990-х – начале 2010-х гг. собрания сочинений М. М. Бахтина предоставила исследователям новые возможности в изучении различных аспектов его научного наследия [17; 19]. Среди

© Осовский О. Е., Дубровская С. А., 2014

наиболее важных и актуальных проблем современного бахтиноведения можно выделить следующие: сущность философско-эстетической концепции раннего Бахтина, представления ученого о жанре и особенностях жанровой поэтики русской и европейской словесности, в частности, о жанре полифонического романа, создание теории смеховой культуры в границах нового понимания задач исторической поэтики и др.

Одним из важнейших открытий М. М. Бахтина является новаторское понимание мыслителем феномена слова-высказывания и обозначения связанного с ним круга научных проблем. Начиная с конца 1920-х гг., в работах, опубликованных как под своим собственным именем («Проблемы творчества Достоевского», 1929 г.), так и под именем единомышленников по так называемому «кругу Бахтина» («Формальный метод в литературоведении», 1928 г., «Марксизм и философия языка», 1929 г.), и на протяжении 1930-х гг. Бахтин активно разрабатывает собственную теорию слова, оригинальность которой неоднократно отмечалась исследователями [22].

По мнению большинства авторов, к середине 1930-х гг. в круг научных поисков Бахтина входит творчество Франсуа Рабле и связанный с ним вопрос об истоках и формировании народной смеховой культуры Средневековья и Ренессанса, что в дальнейшем послужило основой известной работы Бахтина о Рабле, первоначальный вариант которой был завершен к 1940 году [4, т. 4 (1)]. Таким образом, не будет преувеличением утверждать, что бахтинское понимание «смехового слова» как особого художественно-эстетического феномена возникает на пересечении предложенной мыслителем в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. теории слова и разрабатываемой им во второй половине 1930-х гг. концепции народной смеховой культуры.

В целом, соглашаясь с позицией И. Л. Поповой [21], детально исследовавшей историю рукописи Бахтина о Рабле и ее значение для теории литературы, подчеркнем, что ряд важнейших аспектов бахтинской концепции остался за пределами внимания литературоведа (подробнее см.: [18]). Позволим себе утверждать, что заметной «лакуной» оказалось практическое отсутствие среди сюжетов, рассмотренных И. Л. Поповой, сюжета о «смеховом слове», которое, с нашей точки зрения, занимает важнейшее место не только в концепции смеховой культуры Бахтина, но и является существенным элементом бахтинской типологии слова-высказывания.

Нельзя сказать, что проблема «смехового слова» не привлекала внимания отечественных и зарубежных исследователей. Отчасти она затрагивалась в работах, посвященных бахтинскому пониманию смеха и смеховой культуры (С. С. Аверинцев [1; 2], Д. С. Лихачев, А. М. Панченко [12], Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский [13; 14], Ю. В. Манн [15], М. И. Стеблин-Каменский [23], Н. Д. Тмарченко [24]), при обрисовке общих контуров литературоведческой теории Бахтина (К. Clark, M. Holquist [26], G. S. Morson, C. Emerson [27]), при анализе форм комического дискурса в творчестве конкретных писателей (D. Shepherd [29], N. Perlina [28]), специфика «смехового слова» в творчестве отечественных и зарубежных писателей XIX-XX столетий представлена в ряде работ М. Ю. Асаниной [3], С. А. Дубровской [6; 7] и И. А. Обуховой [16]. Вместе с тем отсутствие внимания к «смеховому слову» при интерпретации современных теорий комического не позволяет провести анализ с достаточной степенью глубины [25].

Отметим, что первое обращение непосредственно к проблеме «смехового слова» происходит в работе «Слово в романе» (1930-1935 гг.). Однако нужно признать, что Бахтин редко пользуется этим термином, что связано, по известному мнению М. Л. Гаспарова, с терминологической размытостью научного тезауруса мыслителя [5]. Сосредотачивая в этот период свое внимание на вопросах стилистики романа и на различных аспектах романного жанра в целом, ученый выявляет глубинную взаимосвязь между архаическими формами народного слова и народной культуры и их реализацией в речевом оформлении художественного произведения. «Обе линии (смеховая и серьезная) пересекаются, сходятся в одной точке – в романном образе языка и говорящего человека», – отмечает он уже в первой половине 30-х гг. [4, т. 3, с. 106].

В свою очередь в работе «Формы времени и хронотопа в романе» (1937-1938 гг.) М. М. Бахтин называет различные формы жанрового существования «смехового слова»: пародия, шутка, комика разных видов. Очерчивая возможности словесного выражения смеха, он поясняет: «Весь язык в целом может быть употреблен в несобственном значении. Во всех этих явлениях подвергается переосмыслению самая **точка зрения**, заключенная в слове, модальность языка и самое **отношение языка к предмету и отношение языка к говорящему**» [Там же, с. 483-484]. (*Здесь и далее выделено М. М. Бахтиным. – О. О., С. Д.*) Примечательно, что при всем «металингвистическом» характере подобного подхода, представляя достаточно конспективно свое видение жанрового потенциала и реальной роли пародии в пространстве не только комического пласта, но и литературы в целом, автор очень четко формулирует конечный итог этого процесса: «Все перечисленные особенности указанных форм выражения смеха в слове создают особую их силу и способность как бы вылушивать предмет из окутавших его ложных словесно-идеологических оболочек» [Там же].

В целом подобный интерес к комическому дискурсу в его литературных и внелитературных формах определяет характер научных исследований М. М. Бахтина на протяжении этого периода. При всем разнообразии объектов его исследовательского внимания (Рабле, Гете, предыстория романного жанра, сатира и др.) словесные формы проявления комического остаются в центре наблюдений ученого. Во всей истории словесного творчества, по его убеждению, «буквально не было ни одного строгого прямого жанра, не было ни одного типа прямого слова – художественного, риторического, философского, религиозного, бытового, – которые не получили бы своего пародийно-травестирующего двойника, своей комико-иронической *contrepartie*. Притом эти пародийные двойники и смеховые отражения прямого слова в ряде случаев были так же освящены традицией и так же каноничны, как и их высокие прообразы» [Там же, с. 524].

Вопрос о соотношении сатиры и комического в целом представляет собой отдельный сюжет в бахтинской истории смехового дискурса. Как известно, в конце октября 1940 года редакция «Литературной

энциклопедии» обратилась (можно предположить, по рекомендации А. А. Смирнова и Л. И. Тимофеева) к М. М. Бахтину с просьбой написать статью о сатире. Ранее подготовленная статья С. М. Нельс была отклонена редакцией. Вступивший в переписку с Бахтиным Б. В. Михайловский четко обозначил интересующее издание параметры заказываемой статьи (определение феномена и обзор основных этапов его развития). По известным причинам статья не была завершена ученым, однако содержащийся в ней очерк эволюции жанра сатиры представляет собой еще одну версию теории и истории «смехового слова», в центре которой находилась идея «осмеяния» как ключевая для «особого отношения творящего к изображаемой им действительности» [Там же, т. 5, с. 14]. «Смеховое слово», вписанное в общий контекст мировой и отечественной смеховой культуры, является важнейшим дополнением к общей концепции комического у ученого.

Если говорить непосредственно о термине «смеховое слово», то, насколько можно судить по опубликованным на сегодняшний день материалам архива, впервые он появляется в первой редакции книги о Рабле в 1940 году («Франсуа Рабле в истории реализма») и сохраняется до 1970 года («Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)»). К концу 1930-х – началу 1940-х гг., прежде всего в связи с работой над рукописью о Рабле, Бахтин формулирует свое понимание «смехового слова» как особого типа комического дискурса. Первая характеристика «смехового слова» связана с явлением многоязычия и ситуацией пересечения культур: анализируя утверждения, высказанные А. Дитерихом в книге «Пульчинелла», Бахтин резюмирует: «...специфическое и чрезвычайно вольное смеховое слово Сицилии и Нижней Италии, аналогичное слову ателлан и наконец аналогичное же шутовское слово Пульчинеллы возникли на меже языков и культур, которые не только непосредственно соприкасались, но в известном смысле и переплетались между собой» [Там же, т. 4 (1), с. 495-496]. Для него очевидно, что «смеховое слово» является словесной конструкцией «открытого типа», гораздо более широкой, чем отдельные формы того же «пародийного слова». Последнее Бахтин осознает очень отчетливо и делает специальную оговорку: «Наш термин — «родийно-травестирующее слово» далеко не выражает, конечно, всего богатства типов, вариаций и оттенков смехового слова» [Там же, т. 3, с. 529]. Развивая эту мысль, Бахтин отмечает в начале 1940-х гг. в специальном фрагменте текста «К вопросам теории романа. Проблема диалога, письма и автобиографии»: «Феномен слова, соединенного со смехом, до сих пор не подвергался глубокому изучению. Между тем природа веселого смехового слова глубоко своеобразна: оно по особому относится как к своему автору (говорящему), так и к своему предмету; оно по особому ощущает и свой контекст; особое отношение его к общему языку и к речевым нормам. Оно разрывает пути глубинного и безличного языкового мировоззрения» [Там же, с. 571].

Особое значение понятие «смехового слова», складывающееся в общих рамках бахтинской концепции смеха и народной смеховой культуры, приобретает на заключительных страницах рукописи о Рабле в известном научном сюжете «Рабле и Гоголь». Методологически значимым здесь представляется вызывавшее активное неприятие части критиков Бахтина второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. [20] обращение исследователя к материалу русской литературы, того научного поворота, который современному исследователю видится не только абсолютно обоснованным, но и чрезвычайно продуктивным [8; 9; 10; 11]. Возвращаясь к уже прозвучавшей мысли об освещающем значении Рабле, Бахтин определяет источники гоголевского смеха и формирующейся вслед за писателем особой смеховой традиции в отечественной словесности: «При всех отличиях Гоголя от Рабле <...> в самом существенном они близки. Их роднит народно-праздничный и готический смех» [4, т. 4 (1), с. 505].

Воплотившаяся в творчестве Рабле смеховая традиция влияет, по убеждению М. М. Бахтина, не только на автора «Ревизора» и «Мертвых душ», но представлена (возможно, имплицитно) в творчестве последующих поколений писателей: «...освещающее значение Рабле распространяется и на русскую литературу и, конечно, не на одного только Гоголя. Прямое и косвенное влияние народно-праздничных форм, примыкающих к ним форм народной комедии и готического реализма могут быть вскрыты и в целом ряде других весьма существенных явлений русской литературы. Ключ к ним – Рабле» [Там же].

К 1946 г. относятся уточняющие характеристики «смехового слова»: «свободное», «бесстрашное», «бесцензурное» [Там же, с. 991]. Однако строгого определения Бахтин по-прежнему не дает, фактически помещая специальную теорию «смехового слова» в подтекст своих раблезианских штудий. При этом в научном пространстве текстов Бахтина о Рабле и теории романа «смеховое слово», во-первых, коррелирует с романским словом (ученый выдвигает смех как опорную категорию в понимании романного слова), карнавалом (в широком смысле), карнавализацией, входит в «смеховую терминологию» (Н. А. Паньков) [Там же, т. 5, с. 455], во-вторых, создает оппозиционные ряды: смеховое – слезное, смеховое – серьезное, смеховое – страшное.

Таким образом, на протяжении 1930-х – 1940-х гг. у Бахтина происходит постепенное формирование теории «смехового слова», окончательное оформление которой будет предпринято в его исследованиях о Рабле, прежде всего во фрагменте, посвященном «смеховому слову» у Рабле и Гоголя [Там же, т. 4 (1), с. 501-505, т. 4 (2), с. 511-521].

При дальнейшей доработке рукописи и движении в рамках «смеховой апробации» творчества Н. В. Гоголя Бахтин предложит уточняющую формулировку «смехового слова», специально обозначив особенности характера его функционирования: «Смеховое слово организуется у Гоголя так, что целью его выступает не простое указание на отдельные отрицательные явления, а **вскрытие особого аспекта мира как целого**.

В этом смысле зона смеха у Гоголя становится **зоной контакта**. Тут объединяется противоречащее и несовместимое, оживает как **связь**» [Там же, т. 4 (2), с. 519].

Одновременно нужно отметить, что параллельно с творчеством Гоголя в рамках анализа этой традиции Бахтин обращается к рассмотрению специфики комического у Достоевского. Данная проблема становится предметом исследования в известном разделе о традициях менипповой сатиры и карнавальной стихии в переработанной редакции книги о Достоевском (1963 г.) [Там же, т. 6, с. 121-201], что позволяет, на наш взгляд, говорить о наличии у Бахтина стремления расширить и дополнить уже устоявшийся круг имен авторов, в чьих произведениях «смеховое слово» звучит особенно отчетливо.

Таким образом, концепция «смехового слова», сформировавшаяся в исследованиях Бахтина 1930-х – 1960-х гг., представляет собой заметную страницу в истории отечественного литературоведения XX века. Концепция, создававшаяся в процессе обращения Бахтина к широкому кругу историко-литературных и философско-эстетических проблем, является органичной частью его общей теории комического, не утрачивая при этом своей самоценности. Без описания «смехового слова» круг проблем комического дискурса не может быть адекватно воспринят. «Смеховое слово» заслуживает предметного внимания современных исследователей и позволяет, опираясь на предложенную Бахтиным концепцию, очертить границы функционирования комического в целом и его отдельных форм.

Список литературы

1. **Аверинцев С. С.** Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: сб. в честь 75-летия Е. А. Мелетинского. М., 1993. С. 341-345.
2. **Аверинцев С. С.** Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 7-19.
3. **Асанина М. Ю.** «Смеховое слово» в художественной прозе У. Фолкнера второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. (на материале произведений «Йокнапатофского цикла»): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2004. 24 с.
4. **Бахтин М. М.** Собр. соч. / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1997-2012. Т. 1-6.
5. **Гаспаров М. Л.** Бахтин в русской культуре XX века // Вторые моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 111-114.
6. **Дубровская С. А.** Смех и «смеховое слово» в творческом сознании Н. В. Гоголя // Гоголевский сборник. СПб. – Самара: ПГСГА, 2009. Вып. 3 (5). С. 8-17.
7. **Дубровская С. А.** «Смеховое слово» в литературной критике В. Г. Белинского 1830-х гг. // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 230-233.
8. **Дубровская С. А., Гудкова С. П.** Гоголевское «смеховое слово» в литературном сознании поэта-современника // Вестник Университета Российской академии образования. 2010. № 1. С. 24-27.
9. **Кривонос В. Ш.** Гоголь: проблемы творчества и интерпретации. Самара: СПГУ, 2009. 420 с.
10. **Кривонос В. Ш.** Повести Гоголя: пространство смысла: монография. Самара: Изд-во СГПУ, 2006. 442 с.
11. **Кривонос В. Ш.** Проблема читателя в творчестве Гоголя. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981. 168 с.
12. **Лихачев Д. С., Панченко А. М.** «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с.
13. **Лотман Ю. М.** Гоголь и соотнесение «смеховой культуры» с комическим и серьезным в русской национальной традиции // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. Вып. I (5). С. 131-133.
14. **Лотман Ю., Успенский Б.** Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148-166.
15. **Мани Ю. В.** Карнавал и его окрестности // Мани Ю. В. Вариации к теме. М., 1996. С. 442-467.
16. **Обухова И. А.** «Смеховое слово» в ранних рассказах Пантелеймона Романова // Комическое в русской литературе XX в.: мат-лы междунар. науч. конф. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 160-165.
17. **Осовский О. Е.** Бахтин вчера сегодня, завтра: к завершению издания собрания сочинений М. М. Бахтина // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 2. С. 101-106.
18. **Осовский О. Е.** Рецензия на кн.: И. Л. Попова. Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 2. С. 76-80.
19. **Осовский О. Е.** «Смеховое слово» в терминологическом пространстве рукописи М. М. Бахтина о Рабле [Электронный ресурс] // «Актуальная теория: кризис историзма?»: мат-лы науч. конф. теории литературы ИМЛИ РАН. 2011. № 6. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid=365&binn_rubrik_pl_articles=357 (дата обращения: 24.02.2014).
20. **Паньков Н. А.** Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. М.: Изд-во МГУ, 2010. 702 с.
21. **Попова И. Л.** Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 464 с.
22. **Садецкий А.** Открытое слово: высказывание М. М. Бахтина в свете его «металингвистической теории». М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т., 1997. 166 с.
23. **Стеблин-Каменский М. И.** Апология смеха // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1978. С. 149-156.
24. **Тамарченко Н. Д.** «Эстетика словесного творчества» М. М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция. М.: Изд-во Кулагиной, 2011. 400 с.
25. **Телятникова О. Н.** Основные аспекты концепции комического на рубеже XX-XXI веков // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 159-161.
26. **Clark K., Holquist M.** Mikhail Bakhtin. Cambridge, Mass. – London: Harvard univ. press, 1984. 398 p.
27. **Morson G. S., Emerson C.** Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. Stanford: Stanford univ. press, 1990. 530 p.
28. **Perlina N.** Travels in the Land of Cockaigne, Shuggards' Land and Dikan'ka: Mythological Roots of Gogol's Carnival Poetics // The Supernatural in Slavic and Baltic Literature: Essays in Honour of Victor Terras. Columbus: Slavica, 1989. P. 57-71.
29. **Shepherd D.** Imia or Prozvishche? Bakhtin, Gogol and the History of Laughter // Essays in Poetics. 2003. Vol. 28. P. 181-201.

**DEVELOPING OF CONCEPTION OF „RISORIAL WORD“
IN THE WORKS OF M. M. BAKHTIN OF THE 1930S – 1960S**

Osovskii Oleg Efimovich, Doctor in Philology
Dubrovskaya Svetlana Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Ogarev Mordovian State University
osovskiy_oleg@mail.ru; s.dubrovskaya@bk.ru

The conception of “risorial word” presents oneself as a key element of general theory of risorial culture developed by M. M. Bakhtin. The article investigates the basic characteristics of “risorial word” identified by M. M. Bakhtin over a period of the 1930s-1960s in the functioning of this phenomenon in the general area of comical. The authors define the meaning of the conception of “risorial word” for understanding of the process of comical discourse development in the Russian literature of the XIXth – XXth centuries.

Key words and phrases: philological theory of M. M. Bakhtin; “risorial word”; comical discourse; modern humanities knowledge; conception of risorial culture.

УДК 81'371

Филологические науки

В статье выделены две стратегии формирования эмоционального поля поэзии Т. Шевченко посредством цветообозначений. Номинативно-дескриптивная стратегия состоит в использовании поэтом лексики эмоций, которая получает в тексте дополнительную колористическую характеристику. Ассоциативно-дескриптивная стратегия представляет способ формирования эмоционального поля текста только средствами цветописы, без вербального указания на конкретный вид эмоционального состояния персонажа.

Ключевые слова и фразы: перцептивная лексика; цветообозначение; лексика эмоций; поэтическая речь; язык поэзии Т. Шевченко.

Парасин Наталия Демьяновна, к. филол. н.

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)
paranet@ukr.net

**СТРАТЕГИИ ПЕРЦЕПТИВНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПОЛЯ ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Т. ШЕВЧЕНКО)®**

Проблема, вынесенная в заглавие статьи, предполагает развитие идей в русле двух наук – лингвистики эмоций и лингвистики цвета, которые имеют много общего, прежде всего, ввиду ментальной способности человека ассоциировать проявления внутреннего мира с цветовыми характеристиками. Современная эмотиология учитывает не только связь понятийной структуры с мышлением, «она включает все естественные измерения нашего опыта, которые приобретаются с помощью органов чувств – цвет, форму, текстуру, звук и т.п.» [6, с. 251].

Несмотря на то, что эмоции довольно поздно заинтересовали лингвистов, значительное количество работ по этой тематике (Ю. Д. Апресян (1995), Н. Д. Арутюнова (1988), Л. Г. Бабенко (1989), А. Вежбицкая (1999), П. Екман (2003), М. Джонсон (1989), Ж. Кевечеш (1988, 2000), Н. А. Красавский (1990), В. И. Шаховский (1995, 2007, 2008) и др.) свидетельствует о культурной и социальной значимости научного направления, а также о сложности явлений внутренней жизни человека для восприятия и языковой рефлексии. Параллельно с развитием науки об эмоциях все более четкие формы обретает лингвистика цвета, объекты которой исследуются с позиций исторического развития (М. К. Бахилина (1975), Л. М. Грановская (1964), Ю. В. Норманская (2005), И. В. Садыкова (2006)), когнитивных образований (Е. В. Рахилина (2008)), лексико-семантических объективаций (Р. В. Алимпиева (1982), А. А. Брагина (1972)), сопоставительных модификаций (А. П. Василевич (1987), В. Г. Кульпина (2002), М. Б. Талапина (2008)) и т.п. Цвет является значимым компонентом ментального пространства писателя, поэтому анализ цветосемантики, цветописы, светописы дает возможность проникнуть в философско-мировоззренческую концепцию автора, обозначить его аксиологические установки и эстетические приоритеты. Перцептивные художественные предпочтения служат не только средством изображения картины мира, но и становятся фактором создания настроения, необходимого для адекватной интерпретации авторского замысла.

Возникновению эмоций в большинстве случаев предшествует восприятие или интеллектуальное созерцание какого-то положения вещей и его интеллектуальная оценка как позитивного или негативного для субъекта, вероятного или маловероятного и т.д. [1, с. 47]. Утверждение современных психологов о существовании неоспоримой связи между цветовосприятием и эмоциями человека имеет глубокие философские корни, зафиксированные, например, в индийской культурной традиции «Ригведей», в китайской – «Книгой перемен» и др. [2], и еще более древнюю символическую историю, возведенную, по исследованиям В. Тэрнера [8] и других, к временам